

ПУТЬ ФИЛОСОФИИ К ИСТИНЕ О КОНФЛИКТЕ

Александр Манасян
Член-корреспондент НАН РА,
доктор философских наук,
профессор

**Чтобы прорваться к справедливому
урегулированию конфликта, надо
сперва прорваться к правде о нем!**

Истина в неклассических концепциях. Сложность философской проблемы *истины*, во всей полноте была осознана уже античными философами. Достаточно вспомнить формулу Протагора «Человек есть мера всех вещей» чтобы понять, в какие глубины человеческого познания погружались античные интеллектуалы, обнаружив там веские основания для современных им и будущих теоретиков скептицизма и релятивизма. Тем не менее, именно навеянное познавательным оптимизмом аристотелевское понимание *истины* как соответствия мысли существующему вне нее предмету суждено было в течение долгих веков быть путеводной идеей в онтологии и гносеологии.

Поворотными в движении альтернативных корреспондентской концепции воззрений оказались 17-18 века. Как выяснилось, причина, приведшая к ее ревизии, заключалась в заложенной в ее основаниях чрезмерно сильной абстракции, которая полагала выявление соответствия предмета как он существует сам по себе, вне нашего познавательного отношения к нему и нашей мысли о нем через казалось интуитивно ясную, но эксплицитно не проясненную процедуру их сопоставления. В поисках более надежных критериев *истины* Декарт выдвинул идею, что человек располагает некоторыми самоочевидными, не нуждающимися во внешнем обосновании и оправдании мыслями, истинность которых для познающего разума несомненна: они истинны сами по себе. Одна из обнаруженных им самоочевидных, самодостовверных истин, а именно *Cogito, ergo sum!*, и стала девизом его философии. Новый вектор в поисках осмысления проблемы *истины*, как известно, задал Беркли, обнаруживший, что мы «располагаем предметами» только так, как они являются в наших ощущениях и что они недоступны нам каким-либо другим образом, чтобы можно было сравнить их с нашими ощущениями. Из этой радикальной посылки и следовала максима его философской системы: «Быть — значит быть воспринимаемым», ставшей новой альтернативой материа-

листической традиции в гносеологии и онтологии. Следующий шаг отхода от классической традиции в философском понимании *истины* сделал Давид Юм, установивший, что из описательных (фиксирующих факты) утверждений логически не выводимы суждения оценочного характера: из «есть» не выводимо «должен». Из этого утверждения, получившего название *принцип Юма*, вытекало, что не все человеческие знания подлежат истинностной оценке и что некоторые знания вообще не поддаются обозрению, когда на них мы смотрим через гносеологическую лупу «Истина - Ложь». Споры, спровоцированные *принципом Юма*, продолжаются по сей день. Несмотря на все попытки, он не опровергнут. Логического перехода от «есть» к «должен» не удалось обнаружить никому (как, впрочем, не удалось осуществить и обратный переход). Актуальность *принципа Юма* объясняется не просто заложенной в нем «логической интригой», но и вытекающими из него гносеологическими следствиями, указывающие на ограниченность применения *Истины/Лжи* как универсальной гносеологической характеристики человеческих знаний, как она мыслилась до этого. В Новое время шокирующие выводы из принципа Юма, тем не менее, остались в тени в условиях бурно развертывающегося под знаком «Знание – сила!» технического и индустриального прогресса. Потребность в ориентированной на освоение природы науки определяла общую атмосферу доверия ученых и философов к знаниям, способным быть инструментом практического освоения мира в силу такого их достоинства, какой является истинность. По этому не случайно, что обнаруженный Юмом ракурс познания, связанный с выводом из-под «опеки» *истины* целую сферу знаний, не нашел в «топологии» философской системы Канта достойного места. Кант, свершивший «коперниканский поворот» в философии и установивший зависимость онтологических представлений познающего субъекта от гносеологических его установок, в определенном смысле возвратился к принципу Протагора, предложив его развернутое, раскрытое в новой категориальной системе изложение. *Истина* как цель познания снова была ввергнута в бездну скепсиса на этот раз явившегося в версии кантианского агностицизма¹. Проводя параллели между гносеологическими учениями философов Нового времени, с одной стороны, и воззрениями Давида Юма, с другой, важно отметить принципиальное различие его вклада в теорию познания от других. Юм не просто раскрыл новый аспект в проблематике *истины*, он открыл новое, а именно ценностное измерение познания и знания, от-

¹ Юм «не был замечен» и в философском храме Гегеля, построенного в противоположность Канту под знаком гносеологического оптимизма. Эта была эпоха доминирования идеи свободной от ценностей науки.

личное от истинностного их измерения². *Ракурсы истинностного и ценностного в познании: актуальные вопросы.* Ценность как “иная характеристика” познавательного процесса не менее универсальна, чем истинность. Как и *истина*, она имманентна познавательному процессу, обозначая иное отношение мысли к действительности. Если истинность “идет” от объекта к мысли, полагая ее соответствие предмету, то ценность, наоборот, полагает “предъявленное к предмету требование” соответствовать мысли. Находясь в отношении дуальности, эти измерения познания взаимодействуют то противопоставляясь, то переплетаясь в глубинах и на поверхности плоти знаний, оставаясь логически не выводимыми друг от друга и не сводимые друг к другу их составляющими. Вот, пожалуй, главные выводы, к которым пришла философия в своих стараниях выяснить отношения истинностного и ценностного в познании. Осознание факта взаимного дополнения и проникновения двух противоположных начал в познавательном процессе наводит на важные импликации как в философии познания (гносеологии), так и в философской теории знания (эпистемологии). Преодоление противопоставления истинностного и ценностного не сводится к декларациям об их совместимости и не завершается ими. Уже эмпирическое описание взаимодействия этих феноменов в реальном процессе познания порождает массу вопросов, многие из которых еще ждут своих ответов. Каковы формы присутствия ценностного начала в точных науках и естествознании? Каковы пределы элиминации ценностного компонента в науках, претендующих на его полное вытеснение? Каковы формы “присутствия” когнитивного в “ценностно нагруженных” знаниях? Как истинностное и ценностное совмещались в текстах науки и культуры прошлого, созданных до обнаружения противоположности этих начал в познании, и как они должны быть перечитаны и переосмыслены? В какой степени подвергаются опасности быть вытесненными идеалам объективности и истинности из наук о морали, праве и политике, в которых ценностный компонент явно доминирует. Это далеко не все вопросы, оказавшиеся в центре современной гносеологии и эпистемологии.

Проблема в контексте урегулирования этнополитических конфликтов. Выясняется, что запрос на их разработку поступает не только из философии. Поставленные вопросы актуальны особенно в тех сферах, где в “руководствах к деятельности” истинностное и ценностное переплетены тесно - до взаимопроникновения. Такой областью является урегулирование конфликтов, этнополитических и международных - в особенности.

² Артикуляция соотношения истинностного и ценностного в познании освобождает нас от необходимости рассмотрения концепций альтернативных традиционной - конвенционализма, прагматизма, социального конструктивизма и т.д.

Выяснение отношения истинностного и ценностного в образах конфликтов, в текстах их описания, в рекомендациях по их управлению и в проектах их разрешения востребованы как никогда, так как они все отчетливее проявляют склонность выйти из-под контроля и перерасти в широко-масштабные войны³. В этих условиях более важного мотива "оформления" социального заказа на разработку указанных вопросов трудно представить.

Поиск истины в международных, этнополитических конфликтах задача не легкая. Цели, поведение и поступки конфликтующих сторон обусловлены несовпадающими, а порой и взаимоисключающими, ценностными установками и ориентациями. Особенно жестоким испытаниям в переговорных процессах подвергается когнитивный компонент «конфликтного дискурса», усложняя продвижение к *истине* о конфликте.

И в самом деле, кто прав из конфликтующих сторон, скажем, на Украине, когда каждый из них уверен в своей правоте⁴? На чьей стороне *истина*, если каждый из сторон глаголет от имени высшей правды и непререкаемой истины? Где эта *истина*? Утоплена ли она в водовороте информационных течений и дезинформаций, заглушена ли она в шумах этих потоков? Или вообще его нет, и "у каждого - своя *истина*", как думают дипломаты от *realpolitik* и некоторые философы социального познания? Ныне это чуть ли не самая модная формула в переговорных процессах. Да, это так, но вряд ли скептическая формула «у каждого своя истина» упраздняет действующие помимо воли сторон причины и мотивы конфликтов. Трудно представить, что сами конфликты и генерирующие их факторы и причины (как бы они не были переплетены с субъективными мотивами) не имеют собственного бытия, лишены внутренней определенности, не поддаются объективному описанию. Все существующее имеет собственное *бытие-в-себе*, свою онтологию! Всякому существующему потенциально соответствует адекватная ему мысль. Это значит, что истина о конфликте все-таки существует и она в принципе должна поддаться понятийному оформлению, словесному выражению и познанию. Но такой посыл всего лишь начало восхождения к ней. Есть вопрос, требующий немедленного ответа.

Кто способен на такое восхождение? Способны ли стороны, непосредственно вовлеченные в конфликт, «добыть» ее? Вряд ли. У конфлик-

³ Примерами могут служить конфликты на Ближнем Востоке и Украине, ставшими своеобразными точками бифуркации мирового политического хаоса. Возможные последствия "украинского апокалипсиса" видятся настолько опасными, что Папа Римский усмотрел в нем начало третьей мировой войны.

⁴ Это вовсе не значит, что проведение линии размежевания "истина - ложь", "агрессор - жертва" трудно провести во всех конфликтах. Однако часто она не проводится там, где как раз четко просматривается.

тующих сторон, одержимых чувствами взаимной нетерпимости, стремящихся обязательно взять верх над противником, шансы на ее установление чрезвычайно малы⁵. Вряд ли они способны преодолеть барьер пристрастности и субъективности. Смогут ли найти истину о сути конфликта посредники, которые по своему назначению и по статусу своему обязаны настраиваться на такой поиск и в силу включенности в сам процесс урегулирования больше всех располагают возможностями для реализации подобной миссии? Но и тут мы сталкиваемся с прискорбным фактом. Как правило, все вакантные места посредников в более или менее значимых конфликтах занимают «первые лица мировой политики», которые смотрят на вещи через призму своих геополитических проектов и по сему не могут быть беспристрастными. Одержимые стремлением извлекать выгоды из «кстати подвернувшегося» спора они “от имени” *realpolitik* переговоры по урегулированию обычно сводят к торгам, на которых слабые принуждаются «считаться с реальностями» и интересами третьих сил. Такое “урегулирование” не нуждается ни в исторических фактах, ни в международном праве, ни в истине о сути конфликта.

Возникает вопрос: нужны ли в таких условиях поиск, установление и оглашение истины о конфликте, если на нее (по крайней мере на первый взгляд) нет спроса, если конфликты втиснуты в форматы *realpolitik*, где нет места, а иногда и времени, для “теоретизирования” о том, кто прав в споре, а кто нет? Однако вопрос может быть поставлен и по-другому. Все-таки имеет или нет какую-то ценность истина о конфликте независимо от отношения к ней конфликтующих и посредников? Что касается собственно науки, то вряд ли кто-то осмелится отрицать чисто теоретическую ценность вопроса и поиска его ответа. Однако выясняется, что к овладению сути феномена конфликта проявляют интерес не только “люди от высокой науки”, но и практики, те которые в конфликтах усматривают инструмент управления глобальными процессами. Чтобы управлять конфликтом или использовать его в качестве инструмента управления, надо владеть этим инструментом, надо знать его. Чем адекватнее будет знание о конфликте “своему оригиналу”, тем эффективнее можно будет управлять им. Социальный заказ на теоретическое овладение феноменом, таким образом, поступает не только от чистой науки, но от практики. Тут нужна оговорка: если этого запроса от практики не было бы, то наука все равно не могла обойти эту проблему. Она так или иначе столкнулась бы с ней в силу своих внутренних познавательных потребностей.

⁵Хотя бацилла пристрастности мешает конфликтующим сторонам увидеть вещи так, как они есть сами по себе или как они обзореались бы нейтральными наблюдателями, но в критические моменты в ней обычно нуждается та сторона, которая подвергается расправе, в ущерб которой принимаются решения по развязке конфликта.

так как “конфликтностью пронизаны” все сферы изучаемые ею материального и духовного мира, в том числе отношения между личностями, коллективами, государствами и народами⁶.

А нужна ли правда о конфликте? Положительный ответ очевиден и вытекает из безусловной посылки о том, что ложь конфликтогенна. Глубинная онтологическая связь истины и справедливости, достойная более глубокого философского осмысления в рамках актуальнейшей темы урегулирования этнополитических конфликтов и разрешения международных кризисов, заключается как раз в том, что *истина* в отличие от лжи, дезинформации и фальсификации не работает на мир и согласие. Уже это обстоятельство оправдывает ее поиск!

Но приходится считаться, что *истина* о конфликте не лежит «на поверхности вещей». Она “спрятана” в недрах событий, в “подтекстах наблюдаемых фактов”, иногда — под панцирем фальсификаций фактов, вымыслов и мифов. Требуются не просто беспристрастные, не ангажированные исследователи, а высококомпетентные исследователи. Здесь постижение *истины* порою полагает применение высоких технологий “когнитивных раскопок”, своеобразное декодирование и обезвреживание дезинформаций, вложенных в образ конфликта, сложные процедуры по разоблачению лжи.

Проблема сводится к созданию института компетентных и подлинно независимых экспертов, который совместно с экспертами конфликтующих сторон представил бы посредникам и миротворческим миссиям приближенный к сути проблемы “портрет конфликта”. Вопрос о создании такого института — тема особая. Мы считаем его в принципе разрешимой. Не исключено, что он будет образован неким движением энтузиастов. Важность подобных институтов объясняется тем, что прорыв к правде о конфликте предшествует политическому прорыву в их урегулировании. В этнополитических конфликтах прорыв к миру лежит через преодоление конфликтов интерпретаций признанности и легитимности, территориальной целостности и права народов на свободное самоопределение. Движение неприсоединения как ориентированный на *истину* политический вектор. Перспективы становления института нейтрального посредничества в русле *realpolitik* «утратились в тумане» особенно после распада СССР, после нарушения геополитического мирового равновесия и скольжения планеты в сторону военно-политической монополяр-

⁶Что касается социальных конфликтов, то наука “вмешивается” в них через тексты диалогов конфликтующих сторон, в которых конфликт как бы “оседает”, отчуждавшись от его носителей, превратившись в свою проекцию на мир знания.

ности. В середине XX столетия, когда это «взаимно сдерживающее равновесие» определяло ход и природу международных отношений, перспективы институционализации нейтрального посредничества были более обнадеживающие. Именно в этих благоприятных условиях равновесия поднялась волна Движения неприсоединения, которое вписалось в онтологию глобальной политики как ее «позитивно-нейтральный компонент», как агент стабильности и равновесия. В биполярном мире оно было востребовано самой мировой системой, и его политический вес в том мире был ощутим. В условиях монополярного мира движение неприсоединения оказалось в принципиально иных условиях. Уже к концу XX столетия Движение неприсоединения, по крайней мере потенциально воплотившее политическую среду познавательного нейтралитета, померкло. Роль своеобразного стабилизатора в конфликтной «игре» двух примерно равных сил лишилась содержания. Встала задача поиска новой роли в монополярном мире в неравном диалоге со сверхдержавой, намеренной единолично вершить судьбами мира.

Да, условия восхождения к истине об этнополитических и международных конфликтах не совсем благоприятные. И тем не менее в распоряжении подлинно нейтральных посредников есть достаточные средства для установления по крайней мере «близкого к оригиналу» образа конфликта. Это, во-первых, относящиеся к конфликту общепризнанные факты, документы, события и т.д., принимаемые сторонами как бесспорные. Создание пакета подобных фактов первое, что должны делать миссии по сбору фактов. Далее, это общепринятые нормы и принципы международного права, в первую очередь те, которые одинаково понимаются как непосредственными сторонами конфликта, так и посредниками. Наконец, это общие для любых, кто только обладает разумом, законы логики и правила аргументации, которые нельзя нарушать при представлении собственной позиции или позиции партнера по конфликту (нарушения этих законов легко поддаются обнаружению).

Указанные выше инструменты в принципе способны преодолеть «разнотечение конфликта» и пробить дорогу к истине о нем по крайней мере в формате минимальной папки признанных конфликтующими сторонами фактов, очищенных от конфликтных интерпретаций норм международного права и общечеловеческой морали (подобную попытку мы сделали в связи с карабахским конфликтом).

Философская ремарка к теме в качестве послесловия. В познавательном процессе мы движемся к истине через конфликтный диалог. Известно, что конфликты в виде конкуренции альтернативных гипотез и концепций составляют самую суть научного прогресса. Истина рождается в разрядке теоретических систем «с противоположными зарядами» как

продукт этой разрядки. Так обстоит дело в науке. И в этом контексте выстраивается входящая в компетенцию гносеологии цепь понятий, характеризующая суть самого познавательного процесса: *конфликт — диалог — истина*. Нечто аналогичное имеет место при рассмотрении социальных конфликтов, где выстраивается другой, входящий в компетенцию конфликтологии ряд понятий: *конфликт — диалог — мир*. В обоих случаях конфликт оказывается онтологически предзаданным исходным пунктом поступательного движения к истине (в контексте теории познания) и к миру (в контексте урегулирования социальных конфликтов). Напрашивается изящное заключение: мир есть момент истины в конфликте.

РЕЗЮМЕ

Осмысление соотношения истинностного и ценностного как имманентных познавательному процессу измерений актуально особенно для тех областей практики, где в «руководствах к деятельности» истинностное и ценностное тесно переплетены. Одной из них является урегулирование этнополитических конфликтов. Наука «вмешивается» в эти конфликты через тексты диалогов конфликтующих, в которых конфликты «оседает», отчуждаясь от их носителей, объективируясь, превращаясь в проекцию конфликта на мир знания. Это и предоставляет возможность применять к анализу конфликтов методы логико-методологического анализа, а через них и дать рациональные оценки позициям сторон, приведенным ими доказательствам и опровержениям, обоснованиям и выводам, выявить в них (дис)гармонию ценностного и когнитивного. Словом, иметь дело с тем, чем собственно занимается эпистемология.

Ключевые слова: конфликт, диалог, истина, ценность, конфликтная истина, переговоры, посредники, движение неприсоединения, нейтральный наблюдатель.

ՀԱՄԱՐՏՈՒԹՅԱՆ ՖԵՆՄԵՆՈԼՈԳԻԱՆ ԷԹՆՈՔԱՂԱՔԱԿԱՆ
ԿՈՆՖԼԻԿՏԵՐՈՒՄ

Ալեքսանդր Մանասյան

ՀՀ ԳԱԱ թղթակից անդամ,

փիլիսոփայական գիտությունների դոկտոր,

պրոֆեսոր

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Ճշմարտայինի և արժեքայինի՝ որպես իմացության գործընթացին ներհատուկ չափումների հարաբերության ըմբռնումը հրատապ է

հատկապես պրակտիկայի այն ոլորտներում, որտեղ “գործունեության ուղեցույցներում” ճշմարտայինը և արժեքայինը սերտ միահյուսված են: Այդպիսի բնագավառներից է էթնոքաղաքական կոնֆլիկտների կարգավորումը: Գիտությունը “խառնվում է” այդ կոնֆլիկտներին հակամարտող կողմերի երկխոսության այն տեքստերի միջոցով, որոնցում այդ կոնֆլիկտները “նստվածք են տալիս” օտարվելով իրենց կրողներից, օբյեկտիվացվելով, մի տեսակ դառնալով այդ կոնֆլիկտի անդրադարձը գիտելիքների աշխարհի վրա: Դա հնարավորություն է տալիս կոնֆլիկտների վերլուծության ժամանակ կիրառել տրամաբանական ու մեթոդաբանական վերլուծության մեթոդները, և դրանց միջոցով ռացիոնալ գնահատականներ տալ կողմերի դիրքորոշումներին, նրանց բերած ապացույցներին ու հերքումներին, հիմնավորումներին ու եզրակացություններին: Միով բանիվ, գործ ունենալ այն բանի հետ, ինչով, ի դեպ, զբաղվում է էպիստեմոլոգիան:

Բանալի բաներ-հակամարտություն, երկխոսությունը, ճշմարտություն, արժեք, հակամարտության ճշմարտություն, բանակցություններ, միջնորդներ, միավորմանը դեմ շարժում, չեզոք դիտորդ:

ON PHENOMENOLOGY OF TRUTH IN ETHNO-POLITICAL CONFLICTS

Aleksandr Manasyan

Corresponding member of NAS RA,

Doctor of Philosophy, professor

SUMMARY

Comprehension of the correlation between the true and the value as immanent dimensions of the cognition process are particularly topical for those realms of the praxis wherein the true and the axiological are closely intertwined in the guidelines for action. One of those realms is settlement of ethno-political conflicts. Science “interferes” into those conflicts through the conflicting parties’ dialogue texts, where the conflict “gets embedded” and alienated from the parties to it, gets objectified and turns into the projection of the conflict on the world of knowledge. That makes possible the application of methods of logico-methodological analysis to the analysis of conflicts and to provide, through them, a rational assessment of the positions taken by the parties and to identify in them the (dis)harmony of the axiological and the cognitive, in other words to deal with the issues tackled by epistemology.

Key words: conflict, dialogue, true, value. conflict truth, negotiations, mediators, the non-aligned movement, a neutral observer.